

Экзистенциализм и анархизм

“С чего начинать? С личности, с её бунта, с её мотивов, с её сопротивления, с её несогласия. Строить общество заново, с нуля.”

Петр Рябов

Текст лекции «Экзистенциализм и анархизм», прочитанной одним из ведущих российских философов Петром Владимировичем Рябовым 7 ноября 2019 года в ВШЭ.

<https://www.youtube.com/embed/iNLkvBh5l48?si=BIUmdt-UKUoYVuq8>

Лекция Рябова «Экзистенциализм и анархизм». 7 ноября 2019 года. ВШЭ

Спасибо всем, кто пришел. Я думаю, что я поговорю где-то не больше часа, может быть даже меньше, и потом, надеюсь, перейдем в режим диалога, вопросов и т.д. С одной стороны, то, о чем я сегодня буду говорить, я об этом размышлял многие годы. С другой стороны, как ни странно, я никогда об этом раньше не писал, как-то интуитивно для меня это существовало, близость, тождественность, глубокая связь анархизма и экзистенциализма. Вот впервые я в этой аудитории хочу поделиться своими соображениями по этому поводу.

Сам я и историк, и философ, и исследователь, и популизатор, и последователь и анархизма, и экзистенциализма. На уровне моей личности как-то интуитивно они у меня всегда были рядом, вместе, органичны, но никогда не приходилось как-то теоретически это сформулировать, оформить, прояснить, разве что в одной книжке 20 лет назад «Анархические письма» что-то в этом роде была какая-то попытка, это было давно. И вот мне хотелось бы немножко прояснить эти вопросы, хотя анархизмом я занимаюсь уже более 30 лет и экзистенциализмом тоже.

[FUTR

Петр Рябов в своих лекциях об истории современного российского анархизма неоднократно говорит о своем экзистенциальном опыте. Например, в рассказе об экологическом лагере «Хранителей Радуги» в Ангарске в 2007 году против захоронения атомных отходов [[Раздел Ангарск, 2007 год](#)]:

«И в 5 утра вдруг услышали дикие крики, удары, совершенно ничего непонятно. Оказалось, что очень хорошо подготовленное нападение на лагерь. Примерно 30 человек, местных фашистов, вооруженных ломami, ножами, заточками, дубинками. Они как-то очень хорошо подготовились, сразу со многих сторон напали, сразу вырубили двух охраняющих, остальным даже не дали вылезти из палаток. Шансов у нас было немного, потому что не все умели драться, неожиданность. Палатка наша очень хорошо закрыта. И я помню, что в тот момент, это был страшный ужас, абсолютно как экзистенциалист понял в очередной раз, что такое пограничная ситуация. Как сказала мне потом Оля Мирясова, в такие моменты в бога поверишь. Потому что, знаете, просыпаешься от того, что кто-то бьет ломом тебя по голове, и ты думаешь только об одном, что палатка сгорает за 2 минуты и непонятно, два тяжелых засова у палатки, то ли открыть и вылезти и там быть добитым, то ли ждать, когда палатку подожгут и быть сожженным. Два богатых варианта.»

]

Об экзистенциализме недавно вышел двухтомник лекций по философии, об анархизме штук 5 книг и много статей.

[FUTR

Лекции об экзистенциализме, на базе которых издан двухтомник, можно найти в сети. Всего Рябовым было прочитано 10 лекций. Из-за ограничений по количеству в некоторых местах было выложено не все 10 лекций.

Лекции об истории анархизма в течение нескольких лет читались Рябовым в «Архэ». Часть из них выложена в ютубе. Текст этих лекций, касающихся истории современного российского анархизма, выложены Рябов, Российский анархизм с 1986 года]

О чем хотелось бы поговорить? Меньше всего мне хотелось бы согласиться с тем, что сказала Татьяна Петровна. Хотелось бы говорить не на уровне измов, ярлычков, каких-то внешних параллелей, внешних совпадений. Этот путь не очень плодотворен, честно говоря, не очень интересен. Поэтому, наверное, то, что я буду говорить, хотя это отчасти, конечно, будет иметь отношение к истории философии, но это не академическая историко-философская лекция, отстраненная, на уровне коллекционирования каких-то точек близости. Я не уполномочен от лица всех анархистов и всех экзистенциалистов говорить об их тождестве, как Вы понимаете, или основывать какой-то новый изм, их так достаточно, экзистенциальный анархизм или анархический экзистенциализм. Все-таки мне бы хотелось поговорить о более каких-то сущностных вещах. И, конечно, есть всегда риск впасть в некоторый произвол, субъективизм. Да, я буду говорить об очень каких-то личных, выстраданных мыслях, о своем. Вот, собственно говоря, о чем мне хотелось бы поговорить.

И начать мне бы хотелось с того, почему не плодотворно сравнивать, как и как не стоит, наверное, сравнивать экзистенциализм и анархизм. Потому что это два очень расплывчатых

понятия, и экзистенциалисты, как уже было тоже сказано Татьяной Петровной, не любили этого изма, не любили его называть, не любили его использовать, с одной стороны. Да, то есть мы имеем два изма: анархизм и экзистенциализм, очень широких, очень неопределенных, очень расплывчатых. И действительно большинство экзистенциалистов, как уже тоже было сказано, отрицали, что они имеют отношения к этому изму, либо они его не знали, либо они от него отрекались как Хайдеггер от Сартра или Камю от Сартра даже. Экзистенциализм — это никакая-то догма, школа, это некоторая общая проблематика, некоторый стиль мышления, некоторый набор вопросов, то есть что-то достаточно широкое и расплывчатое. С другой стороны, если мы обратимся к анархизму, то мы там тоже увидим безграничную ширь, безграничное множество анархизмов по любому критерию. Возьмите отношение к религии: есть религиозный, атеистический анархизм. Есть анархизм пацифистский, есть анархизм такой милитантный, боевой. Есть анархисты, основанные на, дальше начинается огромное количество всяких приставок и эпитетов, скажем, как все знают, анархо-коммунизм, анархо-индивидуализм, анархо-коллективизм, синдикализм, феминизм, экологизм, примитивизм, либертарианство или анархо-капитализм, то есть анархизмов огромное множество. И в философском смысле тоже анархизм очень многолик: от позитивизма Кропоткина до религиозного или около религиозного анархизма Толстого или Бубера, или романтизм Борового.

И вот как всё это совместить, как это все сравнивать, два широких, неопределенных понятия, да еще между собой. Что у них общего казалось бы? Одно неизвестное, одно множество с другим множеством. Это путь явно не очень хороший.

Другой путь, который может показаться тоже более плодотворным, но мне кажется не очень, начать сопоставлять конкретных мыслителей и смотреть. И тогда мы опять же увидим, что отнюдь не все экзистенциалисты, конечно, тяготели к анархизму, даже те из них, кто имел какую-то артикулированную общественную социальную позицию. Скажем такие известные люди, связанные с экзистенциальной традицией философствования как Хосе Ортега-и-Гассет или Карл Ясперс или Габриэль Марсель, скорее либералы. Например, Кьеркегор вообще был скорее такой антиполитичный мыслитель, который единственное что сказал про политику, что толпа это неправда, и в общем был бесконечно далек от общественных вопросов. Унамуно, например, такой связанный несомненно с экзистенциальной традицией мыслитель, он в юности увлекался Бакуниным, и вообще его сравнивают с Львом Толстым, но при этом, конечно, он тоже не уместится в ярлычок анархиста. Хайдеггер вообще, как мы знаем, состоял одно время в НСДАП, и с ним вообще всё сложно. То есть, мягко говоря, не все самые известные экзистенциалисты могут называться анархистами. Это так. И с другой стороны, как я уже сказал, анархизм, когда он обращается к философии, к философскому обоснованию, тоже тут разброс от романтизма до просвещения, от позитивизма до марксизма.

Но все-таки, если мы пойдем немножко по этому пути, давайте попробуем это сделать, мы увидим, что все-таки даже на уровне сопоставлений, сближений, персоналий обнаруживается слишком много каких-то совпадений, тяготений, которые не могут быть совсем случайными и которые с годами и с веками становятся все более как-то явственными.

Давайте, немножко обратимся к генеалогии и экзистенциализма, и анархизма. И мы увидим тут очень много точек близости наряду с этим. Если начинать совсем издалека, с античности, возьмем Сократа, мыслителя, в котором экзистенциальная философия видит одного из своих пра- пра- пра- прародителей, с его обращением к человеческой субъективности, личности, и Сократ учитель Антисфена. Антисфен — основоположник кинизма. А кинизм — это, наверное, первое протоанархистская философия Европы. Если мы из античности прыгаем в Средние века и Возрождение, то тут мы сталкиваемся с таким интересным именем как Этьен де Ла Боэси. Это ближайший друг Монтеня и автор знаменитой книги о добровольном рабстве [«Рассуждение о добровольном рабстве»], в котором он резко осуждает государство, это 16 век. И Этьена де Ла Боэси многие рассматривают как протоанархиста, сторонника минимизации государства, оппонента государственной власти. Повторяю, это альтер-эго Монтеня, который во многом обращается к нему в своих Опытах. Но Монтень это уже более близкий родственник экзистенциализма. Если мы пойдём ещё дальше, мы сталкиваемся с фигурой Достоевского. Достоевский, конечно, сам никогда бы не назвал себя анархистом, но разумеется его влияние на экзистенциальную философию трудно переоценить. Это понятно, но тем не менее у Достоевского мы встречаем такой текст, который ему любой анархист бы позавидовал и который, мне окажется, чрезвычайно важным для либертарной, то есть анархистской традиции, это, конечно, «Легенда о великом инквизиторе», произведение в котором с невероятной силой поставлена антитеза законной благодати диалектика бунта, несовместимость свободы и любого авторитета, любой власти. Поэтому, конечно, в целом Достоевский, конечно, мыслитель сложный и не сводимый к анархизму, но некоторые его тексты, некоторые его произведения очень значимы для анархистской традиции тоже. Если наконец обратиться в нашем таком беглом взгляде на историю мысли в двадцатый век, то мы, например, обнаружим такое важное направление как франкфуртская школа, в которой причудливо сплелись различные элементы как экзистенциальные, так и анархистской традиции. Например, у Ханны Арендт, которая, с одной стороны, понятно ученица Ясперса, ученица Хайдеггера, а с другой стороны, у неё много таких достаточно анархистских идей, например, прямая демократия полисного типа противовес представительной или поддержка идеи венгерских рабочих советов 56 года, и в общем есть такой либертарный анархистский пафос несомненно. Или Эрик Фромм. И в целом франкфуртская школа, хотя она пыталась соединить понятно разные традиции экзистенциальную, марксистскую, фрейдистскую, но с ее пафосом эмансипации, критики современной культуры, технократии, тоталитаризма. В ней причудливым образом мерцают блёски как анархизма, так и экзистенциальной философии.

Если перейти уже собственно к анархистам и экзистенциалистам 19 и 20 веков непосредственно, то мы видим тут довольно много прямых или более менее прямых совпадений персональных. Хотелось бы их тоже перечислить, напомнить о них. Во-первых, это Николай Бердяев, мыслитель который и сам иногда себя называл христианским анархистом, и его так нередко называют, один из корифеев экзистенциальной персоналистической философии, с его культом свободы, с его мыслью о том, что христианство, я всегда понимал как эмансипацию, с его тотальным отрицанием любых авторитетов. Хотя опять же понятно с Бердяевым всё не просто. На уровне философии он анархичен. На уровне практической политики он был левый либерал, состоял в кадетской партии, и называл себя персоналистическим социалистом, то есть тут все неоднозначно.

Еще одна фигура, центральная для экзистенциальной мысли 20-го века, — Мартин Бубер, мыслитель, один из крупнейших экзистенциалистов 20-го века, при этом анархический мыслитель, близкий друг Густава Ландауэра — анархо-коммуниста немецкого, мыслитель, который считался продолжателем Кропоткина. Конечно, Бубер больше известен не как социальный философ, но тем не менее его анархистские симпатии тоже достаточно известны и, конечно, не случайны.

Что касается таких знаковых фигур как Сартр и Камю, опять же их отношения с анархизмом достаточно сложны и запутаны, но несомненно, мне кажется, их можно отнести к либертарной социалистической традиции. Оба они несомненно критики буржуазного общества, патриархата. Оба они сторонники эмансипации личности радикальной. Оба они критики государственного социализма, хотя, конечно, я согласен с Татьяной Петровной, Сартра бросала больше в этом смысле, и у него бывали разные увлечения, тяготения, в том числе и к Фиделю Кастро и маоизму и так далее, но всё таки не случайно он так и не вступил в компартию, и в общем общей пафос свободы и такой направленности антибуржуазной, но при этом социалистической, то есть антиавторитарной, близкой анархизму. С Камю еще больше можно это проследить, потому что, например, один только пример, хотя их может очень много. Камю начинал как сочинитель пьес в тридцатые годы в Алжире с того, что написал знаменитую пьесу «Восстание в Астурии», где описывает восстание испанских анархистов сочувственно, а после выхода его «Бунтующего человека», когда на него обрушились все критики, марксисты, христиане, Сартр и анархисты, то Камю пишет такой постскрипtum к «Бунтующему человеку» «Речи о бунте», в котором очень резко дает отповедь марксистам, христианам и Сартру, но при этом благосклонно воспринимает критику анархистов, говорит, что Бакунин это ключевая фигура, очень дорогая для него, без которой невозможен социализм 20-го века. Поэтому еще раз, Сартр и Камю, на мой взгляд, мыслители, если не прямо анархистские, то очень близкие традиции либертарного антиавторитарного социализма по своему пафосу, по своим интенциям. Это если говорить со стороны, заходить со стороны экзистенциализма.

Если же наоборот, посмотреть со стороны анархистской мысли, то тут мы увидим очень много экзистенциальных мотивов. Другое дело, что философы-анархисты часто малоизвестны академической публике как философы. Они либо оклеветаны как Штирнер, окарикатуренный и марксистами, и всеми остальными, недооценен или как Бакунин. Хотя у Бакунина были гениальные философские прозрения, очень сильно повлиявшие на философию XX века, это отдельная большая тема. Но несомненно философия Бакунина, Штирнера или, скажем, Борового — моего любимого героя, полузабытого анархиста России начала XX века. У них можно найти очень много экзистенциальных идей, тем, мыслей, о чем я скажу чуть дальше. В общем вот это первая часть моего выступления. Это на уровне каких-то персональных биографических фактов, сопоставлений. Мне кажется, что такое количество совпадений, сближений все-таки не случайно и выдает, что анархизм и экзистенциализм внутренне глубже как-то тяготеют друг к другу. Но невозможно все разложить по полочкам. Повторяю, на уровне «измов», на уровне каких-то партий нет. И если мы с Вами говорим, что анархизм это только социальное учение, только некоторая утопия, движение, если экзистенциализм это только философия, тогда, конечно, сходство и тождество и близость их не так очевидна. Но на уровне духа, на уровне интуитивного восприятия, скажу такое слово пафос, слово сейчас едва не ругательное, а вообще-то слово

хорошее, греческое слово подхэ — страсть. В основе любого учения, любой концепции, движения лежит некоторая страсть, некоторый пафос. И вот тут, мне кажется, особенно в XX веке анархизм и экзистенциализм невероятно тяготеют друг к другу, интуитивно, иногда осознанно, иногда не очень осознанно, о чем я постараюсь сейчас сказать, оставив в стороне попытки формального сопоставления либо двух неопределенных множеств, либо каких-то отдельных людей, какие-то из которых совпадают в точке экзистенциализма и анархизма или близко сходятся, а какие-то нет. Я хотел бы попытаться рискнуть, поговорить вот об этих некоторых сущностных моментах их совпадения.

Повторяю, на мой взгляд, все-таки анархизм это не только социальное учение, не только движение, также экзистенциализм это не только философия. Экзистенциализм как философия человеческого сопротивления обесчеловечиванию стремится найти социальные выходы, социальное измерение, стремится найти некоторые социальные практики, соответствующие себе. Анархизм стремится философски углубиться, обосноваться. И вот тут они встречаются в этой точке превращения анархизма в мировоззрение и попыток экзистенциализма найти некоторую социальную проекцию не уровне «измов», не на уровне тотального совпадения людей, дат, как говорится, дух дышит, где хочет, и мы сейчас это увидим в некоторых удивительных точках там, где мы совершенно не ожидаем, они совпадают. Конечно, я не утверждаю, что они сводимы друг к другу, хотя я назвал в одном из этих изданий своей работы «Анархические письма» несколько шутливо, провокативно одно из этих писем, в первом издании этого не было, пародируя Сартра, «экзистенциализм — это анархизм», пародируя известную лекцию Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм». Конечно, это сильное преувеличение, конечно, это некоторый провокативный момент в этом есть. И всё-таки, мне кажется, это не просто провокация и преувеличение. Повторяю, на уровне пафоса, на уровне базовых ценностей, на уровне своего вектора развития они глубинно тяготеют друг к другу.

Вот давайте об этом поговорим, переходя от внешнего, от измов к чему-то более сущностному, к духу этих учений. Прежде всего они встречаются на пространстве катастрофического XX века. А XX век — это век крушения основания нового времени, век катастрофический, век, как все знают, мировых войн, тоталитарных режимов, век экологической катастрофы, век атомной бомбы, век, когда само существование человечества, да и не только человечества, природа поставлена под большой вопрос. И тут возникает, не просто возникает как концепция отдельных мыслителей, экзистенциалисты были всегда, конечно, а именно как некоторое широкое течение, получающее широкое распространение в обществе, в культуре. Экзистенциальная философия, повторяю, которая для меня является некоторым глобальным ответом на вызов этого катастрофического, трагического XX века. В чем-то она созвучно интонационно, пафосно стоицизму, как мне кажется, позднего Рима, поздней античности, гибели античной цивилизации. Вот это, хотя, конечно, эти параллели очень условны, но, мне кажется, не случайны. То есть экзистенциальная философия, которая учит человека жить, говоря словами Льва VI, в ситуации беспочвенности, когда все рухнуло, когда бог умер, небо опустело, земля ушла из-под ног, когда прогресс не то что не предопределён, но в высшей степени сомнителен, когда человечество может погибнуть, человечность в человеке уязвима, когда все измы XIX века: вера в разум, науку, прогресс, технику, индустрию рухнули. И вот приходит экзистенциальная философия и учит человека сопротивляться, не сдаваться, противостоять

всему, что отменяет человека.

С другой стороны, это что касается экзистенциализма, с другой же стороны, анархизм XX века, чтобы выжить, чтобы не погибнуть вместе с новым временем, которое во многом породило его после Великой французской революции, начиная с Годвина, Прудона и далее, он тоже должен, и отчасти с ним это происходит, радикально измениться. В каком смысле? Отказаться вот от этих вот столпов модерна, от столпов рационализма, прогрессизма, сциентизма. Он должен отказаться от идеи неизбежного прогресса, финалистской утопии и построения рая на земле, неизбежного рая, надежды на планирование, от акцента на социальное проектирование. И современной анархизм все больше апеллирует к личности, к ее противостоянию вот этому, вот этой апокалиптической перспективе, которую так ярко, как известно, выразил Адорно известным вопросом: как возможно писать стихи и философствовать после Освенцима.

И вот тут мы видим два слова совпадения на уровне эпохи XX века. Эти два слова: трагизм и радикализм.

Экзистенциальная философия как трагическая философия. Не случайно экзистенциалисты так любили в своих сочинениях писать о трагическом. Вспомните Унамуно, о трагическом чувстве жизни у людей, народов, Ницше, с его рождением трагедии из духа музыки, Льва Шестова, с его подзаголовком книги о Достоевском и Ницше «философия трагедии» [Шестов Л., Достоевский и Ницше. Философия трагедии]. Научить человека жить, вот как в своем призыве Ницше: проживи опасно, стройте дома на вулканах. Действительно, всё человечество стало одним вулканом. Вот это же чувство, конечно, преобразует анархизм. На что опереться? Когда рухнула социальность, которой он оперировал, когда стал изменять прогресс, разум, наука. Только на личность. Бунтующую личность. Жаждущую свободы, не готовую покориться концлагерю.

Второе ключевое здесь слово «радикализм». «Радикус» — корень. Радикальная альтернатива вот этой перспективе обезчеловечивания, катастрофе. Поиск радикальной и при этом связанной с традициями эмансипации человека, свободы, а не порабощения, деспотизма.

Вот на этой почве судьбы виде экзистенциальной и анархистской философии теснейшим образом смыкаются. В этом пространстве пробуждается радикальный пафос человеческой свободы, сопротивление, бунта, противостояние власти, деспотизму, поиска либертарной альтернативы, начиная от смысла жизни и кончая каких-то форм социальности. Опять же оговорюсь, конечно, дух дышит там, где хочет. Конечно, это не значит, что все анархисты должны быть и весь анархизм редуцируется только к экзистенциальной традиции и наоборот. Скажу на полях, в скобках, конечно, анархистская традиция связана с философией XX века еще много с чем за рамками или рядом или вообще совсем далеко от экзистенциальной философии, например, с Бергсоном, с его идеей творческого порыва, с его спонтанностью, с его идеей открытого общества, и очень многие мыслители, сам Бергсон был либералом, опираясь на Бергсона шли намного дальше к анархистским выводам, что, мне кажется, вполне естественным. И с Мишелем Фуко, с его критикой власти на всяких уровнях, не глобальных, а микроуровнях. И с Полом Фейерабендом, с его

эпистемологическим анархизмом. И с той же франкфуртовской школой. И синергетикой как учением о самоорганизации. Анархизм, конечно, апеллирует и связан с разными философскими традициями отнюдь не только с экзистенциальной. И все-таки, как мне кажется, особенно и прежде всего именно с экзистенциальной. Как экзистенциализму, который хочет быть больше, чем просто академической философией, а хочет стать философией жизни, философией сопротивления, необходимы социальные измерения, альтернатива либертарная, эмансипационная альтернатива, поиски не отчужденного действия человека в бесчеловечном обществе, и он идёт за этим к анархизму, так и анархизму, который не хочет быть только набором каких-то социальных практик и концепций, нужна философия экзистенциальная, которая обосновывает антологию человеческой свободы. Они здесь встречаются на почве радикализма, поиска альтернативы и трагического чувства жизни, столь характерного для конца нового времени.

Вот здесь происходит их окончательная смычка. То, что только мерцало, где-то раньше, у тех мыслителей, о которых я говорил, начиная от Сократа или Монтеня или Достоевского, теперь становится более проявлено. Базовые ценности. Что это за ценности, которые абсолютно роднят как экзистенциальную, так и анархистскую мысль? Это апелляция к личности как абсолютно исходной ценности, апелляция к абсолютной безусловной, безусловной свободе человека, радикальная критика современной цивилизации, современной культуры, вот это трагическое чувство жизни, сопротивление всему, что человека обезчеловечивает. Это то, где анархизм и экзистенциальное философствование встречается.

Давайте, это некоторая заявка о позиции, некоторое общее утверждение. Разумеется, оно нуждается даже в моём беглом, тезисном выступлении в некоторой конкретизации, к которой я сейчас и обращусь в оставшейся части своей речи. Потому что, еще раз повторю, экзистенциалисты в своем сопротивлении бесчеловечному, отчужденному миру ищут некоторые формы социального действия и не отчужденных форм социальности. И тут в этих поисках альтернативы, свободы они обращаются и приходят на поле анархистов, находят его, например, в союзе эгоистов Штирнера, в бунтарстве Бакунина, в диалоге Бубера. И наоборот, как анархизм, переосмысливая опыт крушения нового времени и всех его иллюзий, о которых я говорил: вера в неизбежность социального рая, во всемогущество разума, всемогущество науки, неизбежность прогресса, культ планирования, рано или поздно приходит к последнему, что остаётся, это личность, которая не хочет сдаться вот этому все более обезчеловечивающемуся миру, и она приходит к экзистенциальной философии, с её трагической опорой на эту личность, на сопротивление, на свободу. Тут они встречаются.

Давайте, немножечко все-таки конкретных примеров. Начнем может быть с уже упомянутой темы Сартра. Поздний Сартр шестидесятых годов, его очень волновала, как известно, в его недописанной работе «Критика диалектического разума» он в частности ставит вопрос: как можно существовать человеку, вопрос, который мучил Сартра, я думаю, всю жизнь, с тридцатых годов и до конца. Сартр всегда был действительно крайним индивидуалистом, и в то же время, после участия во Второй мировой войне, он осознал силу социального. И вот вопрос: как можно жить в обществе и при этом так, чтобы общество вопреки знаменитой формуле Ленина тебя не подавляло? Как возможны неотчужденные, свободные формы

социальности и социального действия? Сартр на своем языке вот в этой работе «Критика диалектического разума» вводит, как известно, вводит два понятия: группы и коллектив. Группа — это еще ситуативное, спонтанное действие. Он приводит пример, сбежали парижане сносить Бастилию — это группа. Это не отчуждённое действие. Потом группа перерождается в коллектив. Коллектив это уже отчуждение. Это уже устав, регламент, партийная воля. То, что так мучило Сартра и что он так талантливо показывал в своих художественных произведениях, например, «Грязными руками» и так далее. Когда уже человек становится, или в «Дороге свободы», например, становится пешкой в руках каких-то партийных политиков, перестает быть субъектностью. Сартр, как известно, позже обращается к марксизму, но он как, к сожалению, так называемая левая мысль XX века во многом находилась под гипнозом марксизма, под гипнозом советского опыта. Это на мой взгляд ужасно, трагично и печально.

Но, вообще говоря, сама это проблематика «группа, коллектив», она, конечно, заставляет сразу вспомнить не о марксизме, и сама постановка этого вопроса: как избежать и человека-атома, который изолирован и не на что не влияет, и человека-муравья, который наоборот растворён и тоже не на что не влияет? Как построить некоторую модель социальности, социального действия, которая бы не была при этом отчуждающим?

Тут, конечно, сразу вспоминается, с одной стороны, Штирнер. Вспомните штирнеровскую позицию «союз эгоистов» и общество. Это ужасно напоминает то, что Сартр называет группой и коллективом. «Союз эгоистов» у Штирнера — это ситуативное, добровольное собрание единственных личностей, и Штирнер приводит примеры: кооператив булочников, забастовка рабочих, игра детей, встреча друзей. И общество для Штирнера — это негативно окрашенное слово, это некая тюрьма, нечто навязанное, внешнее, догматичное, порабощающее человека. Но это почти один к одному с тем, о чем размышляет Сартр.

Есть совсем неизвестный в России довольно крупный польский, анархистский мыслитель, отец польского анархизма начала XX века Эдуард Абрамовский, который вообще выдвигал в качестве идеала анархистского сообщества республику друзей. Дружба как базовая модель анархистской социальности. Повторяю, к сожалению, он у нас очень мало известен, но это очень интересный тоже мыслитель, который тоже размышлял над теми же вопросами, которые мучили позднего Сартра.

Или же, наконец, говоря об этой теме транссубъективности, взаимодействия социального действия, с одной стороны, эта тема, на которую постоянно выходит экзистенциальная мысль, вспомните размышления об экзистенциальной коммуникации Бердяева, Ясперса, Марселя.

Но мне кажется, что всё сходится тут в точке Мартина Бубера, который совершенно не случайно и экзистенциалист, и анархист. Потому что он предлагает понятие «диалог» — как по ту сторону и деспотической нетерпимости, и либеральной терпимости, нечто третье, как анархизм ищет третий путь: между войной всех против всех и тоталитарной казармой, по знаменитой формуле Бакунина: свобода без социализма — это рабство и скотство, социализм без свободы — это привилегия и несправедливость. Также и Бубер говорит, терпимость это плохо, нетерпимость еще хуже. Нетерпимость это когда у меня есть вся

истина в кармане, и я Вас заставлю ходить строем и читать мой коран, мою библию, мой «майн кампф», неважно, а главное, что вот есть одна истина, и Вы все будете делать как я. Терпимость это немногим лучше. То, что предлагает либералы. Я сижу в своей одиночной камере, Вы в своей. Мы друг друга не трогаем, но мне до Вас нет дела. Нет, Бубер говорит, есть дело, есть что-то на уровне не измов, не буквы, а духа, то, что нас связывает, то, что нас делает интересными, а-ля Сократ, диалог. Не буду сейчас пересказывать теорию Бубера, но, мне кажется, глубоко не случайно, что один из величайших экзистенциальных мыслителей XX века был при этом анархистом. Повторяю, сюда же можно вспомнить и Абрамовского, и Штирнера.

Давайте продолжим. Следующая тема, о которой необходимо сказать хотя бы несколько слов, это, конечно, осмысление свободы как экзистенциальной, так и анархистской, мыслью. Оно поразительно тождественно. Только глубокая изолированность, специализированность, разобщенность современного знания, когда есть историки, историки общественной мысли, политологи, философы, и они обычно не знают, что происходит рядом. Вот есть, скажем, специальные историки анархизма, которые не знают историю философии, и часто наоборот. Не позволяет заметить очевидного совпадения, очевидного сближения, опять же взламывающим все эти условные разграничения и границы.

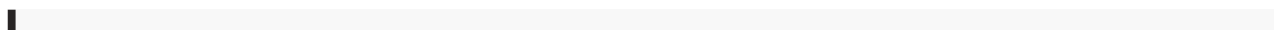
Возьмем, например, такую базовую мысль и для Бакунина, и для всего экзистенциализма, особенно сартровского: Человек — это свобода. Это центральная мысль экзистенциальной мысли, особенно Сартра, но не только. Это центральная мысль анархизма, особенно Бакунина, но не только. Отнимите у человека свободу и Вы убьете человека. Кто это сказал? Анархист ли? Экзистенциалист? И те, и другие. Бакунин говорит, что такое история — это возрастание свободы, движение от несвободы к свободе. Такова педагогическая концепция Бакунина, концепция убывающего авторитета. Младенец тотально зависим от родителей, но по мере взросления он освобождается от опеки, также и в истории. Человек приходит тотально зависимый от общества, а выходит из нее через горнило свободы. Это абсолютно экзистенциальная тема, экзистенциальная мысль. Мера свободы — мера человеческого. Уберите свободу — убьете человека. Затем свобода при этом и в экзистенциальной философии, и у многих анархистов понимается как нечто принципиально апофатическое, неопределимое, нефиксируемое, недетерминируемое, как некоторый разрыв детерминации. Свобода не из чего не выводится, не к чему не сводятся, не может быть никак объективирована, не может быть переведена на количество, это что-то качественное. Она либо есть, либо нет. Весь пафос опять же прежде всего вспоминается Сартр, но и другие экзистенциальные философы экзистенциальной философии. Это тема, тот же Бердяев. Тема безграничной свободы, свободы, которую, если ты ее ограничиваешь, то ее убиваешь. Но это же мы встречаем у Бакунина, когда он говорит, что государство отнимает у нас часть свободы под предлогом того, чтобы защитить другую часть, может быть оно дает нам безопасность, но не свободу. И Бакунин приводит знаменитый пример с Синей бородой, который разрешал всё своей жене, кроме того, чтобы не заходить в одну комнатку, но в этой комнатке была вся суть дела. Если мы отрезаем от свободы кусок, мы ее убиваем, говорит Бакунин. Но это совершенно экзистенциальное понимание. Также как и мысль о том, что свободу нельзя как-то ограничить, описать, из чего-то вывести. Штирнер писал, не спрашивайте, что сделает узник, выйдя из тюрьмы, может быть что-то плохое, может быть и хорошее, не спрашивайте, что сделает ребенок, повзрослев. Не гарантировано, что узник

будет вести себя хорошо и ребенок будет вести себя хорошо. Но из этого не значит, что мы должны вечно держать человека в детстве под опекой и вечно держать узника в тюрьме. Да, из свободы может вырасти зло, говорит и Бердяев, и Штирнер, и анархисты, и экзистенциалисты в один голос, но вне свободы не может быть ничего хорошего. Свобода как радикально понятое, как нечто, повторяю, принципиально недетерминируемое, апофатичное.

И тут мы выходим на одно очень важное понятие, которое опять роднит экзистенциалистов с анархистами, это понятие Ничто. Ничто как не вещь, как нечто не объективированное. Штирнер начинает и заканчивает свою великую книгу [«Единственный и его собственность»] цитатой «Ничто — вот на чем я построил свое дело». Человек как творческое ничто. Ничто, из которого растет всё. Но то же самое ничто мы встречаем у Сартра: бытие и ничто, человек как дыра в бытии, разрыв в детерминации мира вещей. То же самое ничто мы встречаем у Бердяева, когда он говорит об антологии свободы, человек дитя бога и ничто. Бог создал бытие, но не создал ничто, а свобода человека из ничто. Ничто как нечто неопределяемое, не подлежащее детерминации. Эта тема, которая растет еще из романтизма, из философии жизни, и еще намного глубже. То есть доверие к жизненной спонтанности. Вообще, если говорить об анархизме, наверное, первыми анархистами в истории были даосы, которые говорили о самотаковости, о доверие вещам, о спонтанности, а не выстраивания иерархии. Эта же мысль чрезвычайно близка экзистенциальной мысли. То есть свобода как нечто качественное, недетерминируемое, неопределимое, тождественное человеческому в человеке. И здесь анархизм и экзистенциализм, Штирнер, и Сартр, и Бакунин, и Бердяев, и Камю встречаются.

Но. Я сейчас скажу совершенно удивительную вещь. Хорошо. Но такой бесконечно далекий от анархизма человек, вот я был потрясён, когда я это обнаружил, Габриэль Марсель — мыслитель скорее правый, либерал, причем такой правый либерал, довольно аполитичный, но уж совсем не заподозренный в анархизме. Забавно, если Вы откроете книжку Бердяева «Самопознание», когда он пишет о своем пребывании в Париже. Он говорит, мы сначала дружили с Марселем, а потом тот сказал, чур меня чур, ты слишком левый, ты анархист, я с тобой не буду водиться. То есть вот казалось бы, ну, Марсель, где Марсель, а где анархизм. Но повторяю, дух дышит, где хочет. На уровне измов, конечно, нет, а на уровне сути? Как Марсель понимает свободу? Не по либеральному, а по анархически, по бакунинскому. Я думаю, он сам бы очень удивился. Если Вы откроете книжки Марселя, то увидите, что для него свобода это не граница как у либералов: вот я, вот не я, моя свобода ограничена твоей, вот мой участок и не лезть на него. Нет, это либеральный взгляд на свободу. Казалось бы Марсель как либерал должен был разделять его. Ничего подобного. Он говорит, свобода эта встреча, это выход за свои пределы, это приобщенность к бытию, это не зона отчуждения. Но это же абсолютно бакунинский взгляд на свободу. Человек и индивидуален, и социален. Моя свобода продолжается в свободе другого, неограниченно продолжается. Знаменитые слова Бакунина: быть свободным и освобождать других. Свобода другого не ограничение, а продолжение моей свободы.

[

«На просьбу раз'яснить эту фразу, отвечают обыкновенно другою: “Свобода каждого человеческого индивида не должна иметь других границ, кроме свободы всех других индивидов”. На первый взгляд нет ничего более справедливого. Неправда ли? И однако, эта теория содержит в зародыше всю теорию деспотизма...

В самом деле, я свободен лишь тогда, когда все человеческие существа, окружающие меня, мужчины и женщины равно свободны. Свобода других не только ни является ограничением или отрицанием моей свободы, но напротив есть необходимое условие и утверждение ее. Я становлюсь действительно свободным лишь благодаря свободе других, так что, чем больше количество свободных людей, окружающих меня, чем глубже и шире их свобода, тем распространеннее, глубже и шире становится моя свобода. Напротив того, рабство людей ставит препятствие моей свободе, или, что сводится к тому же, именно их животность и является отрицанием моей человечности, ибо повторяю еще раз, — я могу назвать себя действительно свободным лишь тогда, когда моя свобода или, что тоже, мое человеческое достоинство, мое человеческое право, заключающееся в том, чтобы не повиноваться никакому другому человеку и руководствоваться в моих действиях лишь моими собственными убеждениями, лишь когда эта моя свобода, отраженная равно свободным сознанием всех людей возвращается ко мне, подтвержденная согласием всех. Моя личная свобода, подтвержденная таким образом свободой всех, становится безпредельной.»

Бакунин, Избранные сочинения. Том II

]

Казалось бы на уровне измов либерал Марсель рассуждает о свободе совершенно как анархист. Это что, как не ярчайшее подтверждение глубинной близости, тождественности, взаимного тяготения этих двух течений мысли.

Еще раз повторю, и анархисты, и экзистенциалисты говорят о свободе апофатически — свободу нельзя навязать, ей нельзя научить. Можно говорить, что есть несвобода, но не нельзя сказать, как быть свободным, нельзя заставить быть свободным. То есть свобода понимается радикально, качественно, недетерминистски, как разрыв цепи детерминации, апофатично и как синоним человечности. И любое из этих слов, которые я сказал, в полной мере применимо и к анархистам, и к большинству экзистенциальных мыслителей, особенно XX века. Поэтому это, конечно, как я уже сказал, сама тема ничто, которая объединяет онтологически Штирнера, Бердяева и Сартра, она достаточно здесь красноречива.

От свободы обратимся к другой базовой ценности как экзистенциализма, так и анархизма, это **личность**. О ней тоже можно говорить очень долго, но все-таки два слова надо сказать. Тут опять бросаются в глаза очевидные переключки. Как в частности характеризует личность Штирнер? Как единственного. Единственный. Опять апофатически: человек ни из чего не выводится, не обобщается, не подлжит никакому абстрагированию,

объективированию. Штирнер, как известно, выходит из левой гегельянской традиции и направляет стрелы против самого Гегеля. Единственность как самость, как неопишность, как неуниверсализируемость. Но мы открываем другого великого критика Гегеля, отца экзистенциальной мысли Кьеркегора. И что мы видим? Он говорит о единице, совершенно не сговариваясь со Штирнером, и скорее всего даже не подозревая о его существовании, он использует понятие единица, подчеркивая примерно то же самое — человеческая личность не рационализируема, не обобщаема. Так говорил Кьеркегор, никто не может представлять меня перед богом. Личность выше родового. Что это? Случайное совпадение единственности Штирнера, гегельянца, ставшего антигегельянцем, и антигегельянца Кьеркегора единица, личность как единица. Кьеркегор говорил, я хотел, чтобы на моей могиле написали просто «единица». То есть человек, который ни на кого не похож, который прожил свою собственную жизнь, который сам жил и сам отвечает перед всевышним. Опять мы здесь встречаем удивительное совпадение. И опять встречаются экзистенциальная мысль с анархистской на ниве Бакунина, с его мыслью о том, что человек самая индивидуальная и самая социальная из всех существ, не атом, но и не муравей, не Робинзон, но и не муравей. И особенно эта тема актуальна сейчас, на рубеже уже третьего тысячелетия, даже уже за рубежом, когда социум разрушен, общество уничтожено как социальность. Особенно это характерно для России, по которой прошел тоталитарный каток, сначала большевистский, а потом еще либеральные реформы 90-х годов, которые невероятно атомизировали всё.

С чего начинать? С личности, с её бунта, с её мотивов, с её сопротивления, с её несогласия. Строить общество заново, с нуля. Невозможно апеллировать к обществу анархизму. А экзистенциализм хотел бы выйти от личности к обществу, но тут как раз ему помогает анархизм, с его практиками, с его конце концепциями. Тут опять они встречаются, анархизм и экзистенциализм начинают с личности сейчас и идут попытки построить некоторое либертарное общество. Трансцендирующая данность. Уводящая за ее пределы. Дающая альтернативу. Причем альтернативу, конечно, либертарную, свободную. Это, что касается личности, что касается свободы.

Еще одна важнейшая тема, я только о ней скажу два слова. Если будут вопросы, можно будет поговорить подробнее. Тема, которая меня занимает уже очень давно, **тема бунта**. Еще двадцать с лишним лет назад я написал статейку, сопоставляющую тему бунта у Камю и Бакунина. [[Рябов, Человек бунтующий: философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю](#)] Меня поразило, что никто до меня, по-моему, не обращал внимания на их глубочайшее созвучие.

Со временем я понял, что этот круг надо было бы еще расширить Штирнером и Сартром. Если мы возьмем этих четверых: Штирнер, Бакунин, Камю и Сартр, это те мыслители, которые делают категорию бунта не просто бытовым понятием, там русский бунт бессмысленный и беспощадный. Они просто даже понятием социологическим, а понятием метафизическим. Бунт как основание всего человеческого. Говоря словами Камю, я бунтую, следовательно мы существуем. Бунт как то, из чего растет всё человеческое, сопротивление данности, изнегация данности. И в то же время из я к мы, от одиночества к солидарности. Но ровно это же писал Бакунин за сто лет до этого. Бакунин, у меня есть отдельная большая статья о понятии бунта у Бакунина. Для него бунт это нечто всеобъемлющее, это движущая

сила истории, это то, через что человек выходит из данного мира и переделывает мир и себя, святое чувство бунта, которое пронизывает и антропологию, и социологию, и гносеологию Бакунина. Бунт как важнейшее трансцендирующее понятие. Человек бунтующий — это человек и анархизма, и экзистенциализма. Повторю, не только Камю и Бакунин, можно вспомнить Штирнера с его знаменитой оппозицией, бунт против революции, революция как некое внешнее социальное изменение, вторичное по отношению к бунту, и бунт как восстание личности, как самопроявление индивидуальности. И Сартра с его книжкой «Бунт — дело правое». То есть мы видим, что эти мыслители фундаментальнейшим образом разбирают как важнейшую категорию, социальную, антропологическую, метафизическую, бунт. Бунт, через который человек преображается, меняет мир, меняет самого себя. Это ужасно интересная тема. Опять есть о чем здесь говорить.

Повторю, тема точек совпадения на уровне духа, на уровне интенций, на уровне устремлений, на уровне ценностей экзистенциальной философии и анархической, повторяю, в ситуации трагизма и радикализма, апокалиптической ситуации современности, мне кажется, что тут очень много. Я не буду все их перечислять. Повторю, у меня нет цели дать какое-то исчерпывающее сообщение на эту тему. Это просто некоторые мысли, которые во мне как-то зрели, зрели, я решил их как-то, наконец, высказать.

Допустим еще, наверное, один сюжет, которого надо коснуться в двух словах, который опять роднит экзистенциальную и анархистскую мысль, может быть не всю на анархистскую мысль, но значительную её часть, это **антисциентизм**. С одной стороны, тут Бакунин, который гениально высказал свою мысль о том, что он провозглашает бунт жизни против правления науки, нельзя, чтобы наука управляла жизнью. Жизнь богаче, чем наука. Жизнь спонтаннее. Тут, конечно, много параллелей с бергсоновской идеей жизненного порыва. И Бакунин говорил, не прав Конт, когда говорит, что править должны социологи, ученые, не прав Маркс с его теорией научного социализма. Это в сущности идея власти мысли над жизнью, власти диктатуры. Нет, жизнь спонтаннее, богаче. Наука не может управлять жизнью. У науки есть свои границы. Но это центральная тема всей экзистенциальной мысли, границы сциентийского постижения человека, отказ от утопии тотального планирования. Я уже упоминал такого совсем не экзистенциального, но даже по названию продолжающего анархистскую традицию мыслителя как Пол Фейерабенд, с его эпистемологическим анархизмом, с его мыслью об ограничении пределов науки внутри культуры, об освобождении науки от государства, от бюрократии. Можно вспомнить и Камю, с его абсурд это разум, осознавший свои пределы. То есть опять ситуация конца нового времени говорит о принципиальных границах сциентистского, рационального постижения человека. Об этом писал Бакунин. Повторю, малоизвестный философ, недооцененный как философ, гениальный, очень много разбросавший и во многом созвучный самым разным направлениям, в том числе и экзистенциальному XX века. Но тем не менее, здесь тоже есть о чем говорить. Насколько возможно сциентийское постижение человека, планирование общества, власть экспертов? Это всегда была объектом критики анархистов или около анархистов, например, знаменитого Яна Вацлава Махайского, с его грубоватой, но не лишенной прозорливости концепции того, что придет новый правящий класс — интеллигенция, который под лозунгом социализма, сядет на шею трудовому народу. Конечно, эта концепция несколько грубая, но в ней усматривают пророчества: революция

менеджеров и меритократий, и прочих популярных теорий XX века. Тема границ власти науки, власти разума над миром — это, конечно, постоянная тема экзистенциализма.

В общем повторяю, моя цель не какая-то исчерпывающая академическая лекция, не монография. Хотелось бы побольше поговорить и послушать Вас, Ваши соображения, мысли, вопросы, раз Вы в таком огромном количестве собрались. Наверняка, Вам есть, что сказать, спросить, чем поделиться.

Поэтому я буду резюмировать. Как я и говорил, я в общем хотел и уложился даже меньше, чем в час. В общем, на мой взгляд, если как-то свести то, что я говорил: и пафос бунтарства, и антисциентизм, и антидетерминизм, и радикальное понимание свободы, и понимание личности, и тема Ничто, и поиск либертарных, эмансипационных альтернатив современному миру, и сопротивление всему, что подавляет человека, и многое другое, мне кажется, если не заставляет говорить о тождественности всего анархизма с совсем экзистенциализмом, — это, конечно, слишком сильный тезис и это не мой тезис. Хотя в моей конкретной точке и персоне они совпадают. Еще раз повторяю, я вовсе не утверждаю, что это совпадающее множество, но на уровне пафоса, духа, взаимного тяготения, совпадения во многих персоналиях, даже часто, тем более интересного, что неосознаваемого, потому что, повторяю, вряд ли Кьеркегор знал о Штирнере, когда говорил про единицу, а тот про единственного, вряд ли Камю так уж хорошо знал Бакунина, судя потому, как он писал о нём «В бунтующем человеке» весьма поверхностно, но когда высказывал спустя сто лет похожие мысли о бунте, и тем более уж Габриэль Марсель, который совсем никак не казалось бы не является анархистом, а при этом о свободе говорит как настоящий анархист, так же как Бердяев, Бубер и множество других примеров, о которых я говорил. Они говорят о глубочайшей неслучайности постановки этой темы, по крайней мере, размышлений на эту тему, их истоков, их устремлений, этих тем, этих мыслей. Повторяю то, что еще сказал очень сыро как ни странно это впервые за многие годы, поэтому видите, я даже подглядывал в свои листочки, потому что это не что-то о чем мне приходилось говорить раньше. Мне казалось это чем-то интуитивно понятным. Мне захотелось прояснить самому себе эти интуитивно понятные вещи и поделиться ими с Вами. За что Вам большое внимание.

Татьяна Петровна: Спасибо. Большое Вам спасибо за лекцию, замечательная лекция. Действительно, мне кажется, мы увидели не только точечное совпадение, мне даже кажется, не так они важны, как вот именно общие стратегии мысли. Я для себя очень много интересного узнала, потому что мне казалось это внешние какие-то сходства, но Вы, к счастью, прояснили, что сходство это не внешнее, а именно глубинное, вот такая схожесть стратегии мысли. Огромное Вам спасибо. Еще раз благодарю Вас. Теперь, пожалуйста, дамы и господа, вопросы, комментарии, пожалуйста.

Вопрос: Так получилось, что экзистенциализм случился как реакция на авторитарную, антидуховную, политическую, социальную ситуацию. И сейчас то, что стало, то общество деформированное, очень раненное событиями XX века. Как оно может среагировать на что-то, что снова появилась экзистенциальная эстенция, если у нас, грубо говоря, имеется очень разрушенный, деформированный, изломанный субъект, индивидуум, который сам сомневается в своём существовании из-за культурного, социального давления, которого на

него оказывается. Кто может претендовать и кто должен реагировать.

Рябов: Я, честно говоря, не знаю, как ответить на этот вопрос, потому что как раз и экзистенциалисты, и анархисты, о чем я говорил, говорят не о закономерностях, неизбежностях. Близкое мне понимание свободы в экзистенциальной и отчасти в анархистской мысли не как осознанная необходимость по Спинозе и Гегелю, а как осознанные возможности в духе романтизма или может быть Канта. Поэтому, скорее, надо говорить не закономерности того, что может что-то появиться, продолжиться, ответить. Скорее, это что-то непредсказуемое, не просчитываемое, недетерминируемое, чудесное, если угодно, как все. Тут мне дорога еще одна мысль, в связи с этим я скажу, как все человеческое человек, мне кажется, и в экзистенциальной философии прежде всего, но и отчасти в анархической, понимается как некая избыточность, собственно говоря, как что-то сверх необходимого, всё человеческое: свобода, любовь, творчество, героизм. Они не необходимы, они в этом смысле удивительны. Поэтому, скажем так, рассчитать, просчитать, сказать из какой страны, из каких категорий населения, по законам необходимости может родиться альтернатива, сопротивление, надежда, трансценденция, конечно, мне кажется, это невозможно. Остается надеяться, что сквозь асфальт прорастает трава. Я очень люблю такую притчу, мне кажется, она глубоко экзистенциальной, древнекитайская притча, знаменитая. Я часто её вспоминаю. Когда воробушек опрокинулся на спину, задрал лапки к небу. Ему говорят: «чего ты делаешь?» Он говорит: «что не видите? Небо падает. Пытаюсь удержать». Ему говорят: «Ты, что? Как ты сможешь?» Он говорит: «Ну, каждый делает то, что может». Мне кажется, что, с одной стороны, это пафос стоицизма и экзистенциализма, который созвучен со стоицизмом во многом. В ситуации. Вспомните «Миф о Сизифе», когда он писался. 41, 42 год. Или «Бытие и ничто». Когда всё, кажется разум говорит нужна коллаборация, подчинение сапогу нацизма, сопротивляться невозможно, против лома нет приема, и тут встает Камю, и пишет «Миф о Сизифе» — кати камень даже, если ты знаешь, что он упадет. В человеке есть что-то, кроме разума и необходимости. Это, мне кажется, во многом пафос экзистенциализма. Как остаться свободным в концлагере. Такая же, как мне кажется, ситуация с анархизмом, потому что, если анархизм сто лет назад шел в широком потоке великих учений XIX века и говорил: наука, разум, прогресс, ура, через 10, через 20, через 30 лет построим рай на земле, то XX век показал, что нет, скорее всего. И встает еще один образ, который мне очень близок. Наверное, многие его знают из Вальтера Беньямина, который говорил, что если Маркс называл революцию локомотивом истории в духе прогрессизма, подтолкнуть, ускорить, то для Вальтера Беньямина революция — это стоп-кран в ситуации апокалипсиса, когда история падает в бездну, в катастрофу, последняя надежда — дернуть этот стоп-кран. В общем поэтому, наверное, если Вы ждете конкретного ответа в каких социальных слоях, на каких основаниях культуры может вырасти что-то свободное, что-то человеческое, нет, но, повторяю, вот трава все-таки она растет сквозь асфальт, и воробушек зачем задрал лапки к небу. Мне кажется, что вот и экзистенциалисты, и анархисты XXI века скорее могут рассуждать так, хотя я не утверждаю, что все они так и рассуждают. Я не говорю от лица всех тех и других, но мне близка такая логика.

Вопрос: Получается, мы ценим анархизм и экзистенциализм за то, что он существует в формате стремлений, формате интенций?

Рябов: Конечно.

Вопрос: Вы сказали такую мысль, что по мнению анархистов свобода человека не заканчивается на свободе других людей, а наоборот, продолжается. Как в таких условиях учесть личную границу людей, не навязываться другим людям помимо их воли?

Рябов: Это замечательный вопрос. Конечно, это большая, это следующий как бы момент рефлексии. Конечно, каких-то универсальных рецептов здесь нет. Сама мысль, мне кажется, справедливой, потому что она взламывает границы, то есть на уровне, повторяю, бытия, духа, сопереживания, солидарности мы можем быть чем-то единым, коллективным, но разумеется это, как показывает нам и опыт СССР, может легко превратиться в коммуналку или партсобрание с разбором подробностей личной жизни каждого человека. Собственно говоря, вот мой любимец, анархист начала двадцатого века Алексей Боровой особенно в раннее свое время, да и потом, он всегда был таким очень индивидуалистическим мыслителем, он писал, что главный вопрос анархизма — как сохраняя общество, в то же время достичь абсолютной свободы личности. Наверное, каких-то универсальных рецептов быть не может, но этот же вопрос стоял перед Сартром с 30-х годов. Если Вы возьмете его самые ранние произведения, скажем, его сборник рассказов «Детство хозяина» и другие, где он говорит, что как только человек становится социально действующим, социальной функцией, он перестает быть человеком, а в то же время выйти из общества нельзя, и соответственно человек мечется между этим. Мне очень нравится в этом смысле знаменитая тетралогия Сартра «Дороги свободы», где свобода прочерчена в виде траектории трех главных героев: Матье, которого считают таким альтер-эго самого Сартра, который ищет свободу, с одной стороны, его Даниэль, который до такой степени любит свободу, что ему тяжка любая объективация, даже взгляд человека его царапает, меня посчитали и так далее, но, как известно, в незаконченном романе Сартр планировал сделать Даниэля коллаборационистом, и есть, с другой стороны, Брюне, другой друг Матье, который стал членом компартии, перестал быть личностью, просто превратился в человека-функцию до поры до времени, правда, в конце с ним происходит преобразование, когда он начинает преодолевать гнет партийной дисциплины, начинает думать своей головой. Мне кажется, тут каких-то рецептов нет. Это скорее проблема, вопрос. Как возможно общество, в котором люди не подавляли бы друг друга, а совместно действовали. Я уже сказал, тут скорее на уровне проблемной постановки вопроса, и того же Сартра, и Бакунина, и Штирнера. Как сделать так, чтобы «Союз эгоистов» не выродился в общество, говоря языком Штирнера, то есть не отчужденная, свободная группа не фатально не переродилась в нечто отчуждённое. Поэтому, конечно, у меня, то есть не то, что совсем нет ответов, и экзистенциалисты, размышляя о той же экзистенциальной коммуникации, и Бубера диалоги, и, с другой стороны, анархисты с их огромным количеством либертарных практик, в том числе консенсуса. На эту тему, если Вам интересно, есть замечательная книжка современного анархиста, переведенная на русский язык, Питера Гелдерлооса о консенсусе. [Гелдерлоос, Консенсус Принятие решений в свободном обществе] Конечно, это не панацея, но это интересно. И разных других механизмов, как сейчас модно говорить, социальных технологий. Пытается найти вот этот баланс. То есть человек в обществе, но не подавлен обществом, человек небезразличный к другим, не замкнувшийся в свои стены, но при этом неразтворенный другими. Повторяю, это, конечно, движение на ощупь, какие-то мысли на сей счет есть, и философские, и более прикладные. Но исчерпывающего ответа, конечно, я

Вам не дам, это скорее такой вечный вопрос, вечный вызов, чем какой-то набор готовых рецептов. Всё, что я могу пока ответить.

Татьяна Петровна: и не дай бог получить ответ на этот вопрос окончательно.

Рябов: Конечно

Вопросы и ответы продолжались еще полчаса.

Версия #6

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 21 июля 2025 14:36:20

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 21 июля 2025 15:08:03